

лам, предуготованным сущностной спецификой предмета, ставшего внутрикультурным фрагментом в составе средневековой культуры? Таким образом, ставится вопрос о возможности взаимного влияния средневековой алхимии и неалхимического средневековья. Тогда алхимия и экран средневекового мышления, и активная форма воздействия на это мышление? Взаимоотраженность и алхимии, и мышления европейского средневековья как раз и стала предметом особого внимания всех предшествующих прочтений рецепта *Рипли*, иных алхимических текстов. Может возникнуть вопрос о мере этого взаимного влияния, интегрирующего и деструктурирующего в различные периоды алхимического тысячелетия. Может быть, алхимия стимулировала инфляцию позднесредневекового сознания? Так что же: алхимия — не инвариант рассматриваемой культуры? А может быть, алхимия — скорее огрубление средневекового мышления, нежели его инвариант? И тогда в этом огрублении что-то утрачивается, но что-то и выявляется, не свойственное исходному объекту. Алхимическая «эссенциальность» (в «физико-химическом» ее смысле), поиск неоформленной «сущности» для средневекового сознания — нонсенс. В самом деле, средневековье бежит *беспредельного*. Бог сам для себя вполне конкретен и обладает истинной чувственностью. Если алхимия и в самом деле «физико-химически» эссенциальна, алхимия и средневековье не совпадают. Но, может быть, сам характер этого несовпадения и есть особенность данной культуры? На этом пути может начаться коренная перестройка тезиса об алхимии как инвариантной средневековой культуре. «Внекультурный» фрагмент культуры?..²⁰ Чтение рецепта алхимика *Рипли*, замечания историков алхимии, опыт мировой медиевистики свидетельствуют о совсем неслучайных преодолениях в алхимических текстах исконного средневековья, о выходах за его пределы. Эти несоответствия следует искать, по-видимому, в исторически обусловленном генотипе самой алхимии, принципиально не инвариантной — в полном своем объеме — средневековой культуре. Но... раздвину текстовое пространство алхимического дела. И тогда алхимия вновь начнет рассказывать самое себя.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ — центральный персонаж алхимических мистерий. Алхимики наделили философский камень многообразными свойствами. *Дионисий Захарий* (ВСС, 2, с. 336—349) и *Филалет* (ВСС, 2, с. 661—675) достаточно скромны, приписывая *Великому магистеру* лишь три функциональных назначения: *превращать металлы в золото и серебро, производить драгоценные камни, сохранять телесное здоровье*. *Альберт Великий*, вторя адептам, конкретизирует *злато-сереброобразующие возможности камня: после одного процесса одна часть эликсира превращает сто частей какого угодно металла; после двух — тысячу частей; после трех — десять тысяч; после четырех — сто тысяч; после пяти*

²⁰ Возможно, окажется неверным и это: как же может быть внекультурно то, что живет в данной культуре?